

**Эльдар
РЯЗАНОВ**

**Эльдар
РЯЗАНОВ**

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И НОВЕЛЛЫ
В ОДНОМ ТОМЕ**

МОСКВА
2016

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Р 99

Оформление серии *О. Горбовской*

Фотография на корешке:
Григорий Сысоев / РИА Новости

Рязанов Э. А.

Р 99 Стихотворения и новеллы в одном томе / Эльдар Рязанов. — М. :
Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Полное собрание сочинений).

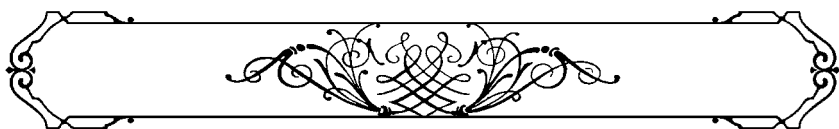
ISBN 978-5-699-68522-6

Сложно найти человека, который не смотрел бы художественные фильмы Эльдара Рязанова. Выдающийся режиссер с потрясающим чувством юмора, изысканным вкусом впервые открыл дорогу большой поэзии на киноэкраны в фильме «Ирония судьбы, или С легким паром». И судьба наградила писателя, подарив десять творческих поэтических лет, когда из-под пера появлялись на свет подлинные поэтические образцы русской лирики. Некоторые из них стали просто «народными»: «У природы нет плохой погоды», «Любовь — весенняя страна» и др. В книге собраны практически все стихотворения Э.А. Рязанова и новеллы, раскрывающие истории появления многих стихотворений, их воплощения в песнях, написанных для кинофильмов режиссера, на театральной сцене и эстраде.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-699-68522-6

© Рязанов Э. А., наследники, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Известно, что работа любит дураков. И я рад, что принадлежу к этой категории человечества.

Моя главная профессия — кинорежиссер. Не буду рассказывать о своих лентах. В кинематографе у меня сложилась счастливая судьба, и многие из вас, вероятно, видели немало игровых кинокартин, которые я поставил. Нормальному человеку этой иссушающей душу и тело профессии хватало бы с головой. Но мне этого показалось недостаточно, и я занялся еще и литературным трудом. Поначалу вместе с Эмилем Брагинским мы писали сценарии для кино, повести для чтения и комедии для театра, а потом я отделился и стал сочинять на бумаге в одиночку. Но двух профессий тоже оказалось мало — я еще полез и на телевидение. Популярной программе «Кинопанорама» я отдал семь лет жизни — с 1979 по 1986 год. Да и сейчас, бывает, выпускаю на ТВ свои авторские программы. Кроме того, время от времени я преподаю на Высших режиссерских курсах, и несколько моих учеников сделали удачную кинокарьеру: Ю. Мамин, И. Дыховичный, И. Фридберг, Е. Цымбал, В. Мустафаев. А если упомянуть встречи со зрителями, выступления в печати и спорадически возникающую общественную активность, то перед Вами, дорогой Читатель, предста-

нет образ ненасытного честолюбивого трудяги. Этот тип и в отпуск уходит только для того, чтобы набраться сил для дальнейших подвигов на ниве работы, а отнюдь не для удовольствия, не для кайфа, не для улады. А ведь помимо трудовой деятельности, существуют и домашние заботы, проблемы у близких, хлопоты за друзей, болезни и прочие житейские приятности и, большей частью, неприятности. Поэтому главный дефицит для меня — нехватка времени. Порой приходится разрываться на куски, чтобы успеть сделать все намеченное. Конечно, я — жертва собственного характера, и в книге вы найдете немало стихов на эту тему.

А теперь о стихах...

Параллельно с многочисленными и разнообразными занятиями и обязанностями существовало во мне что-то вроде внутреннего монолога или, если хотите, стихотворного дневника. Нормального дневника — ежедневных записей о делах, мыслях и чувствах — я, к сожалению, никогда не вел, и теперь многое, что хорошо бы воскресить, забыто. И, вероятно, навсегда! Но остались стихи, в какой-то мере восполняющие этот пробел. В них фиксировалось то, что не находило себе места, да и не могло найти, в сценариях и фильмах. Кинематографу подвластно все, он может передавать любые оттенки и нюансы движения человеческой души. Но режиссер создает произведение с помощью писателя, актеров, оператора, художника, композитора. Любой фильм — своеобразный сплав дарований или бездарностей. Да, примат режиссера несомненен. Недаром ленты называют именем режиссера — фильм Рене Клера или Сергея Эйзенштейна... И тем не менее каждая кинокартина — коллективное детище.

Наверное, мучительное желание высказаться о личном, только своим, стремление поделиться чем-то заветным,

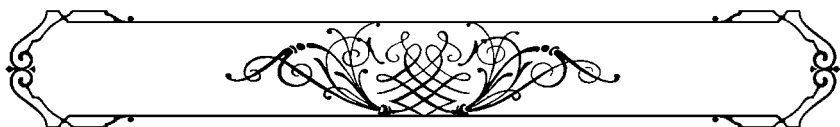
жажда исповеди и побудили меня к стихотворству. Исповедальность — то, к чему властно тяготеет каждый вид искусства. В этом смысле поэзия наиболее интимна. Превосходит ее разве что музыка. В искренности, правдивости чувств, обнажении тайников души, умении заглянуть в человеческие глубины — наверное, суть поэзии. И, конечно, при этом очень важна форма — гармония рифм, ритмов, а также сочетания, столкновения обычных, стертых слов, от которых к ним возвращается их первоначальное значение. Истинная поэзия всегда музыкальна, в ней существует некое звуковое волшебство... Я достаточно критически отношусь к своим поэтическим опусам, но они — мои, они выражают мои мысли и чувства и, собственно говоря, больше ни на что не претендуют.

Эта книжка — наиболее полный сборник моих стихов. Если Читателю покажется, что книжка местами чересчур грустна, то пусть он вспомнит, что жизнерадостные и веселые свойства природы я тратил в это же самое время на создание комедий для кино и театра и там, очевидно, подрастратил свой смеховой запас. Правда, и для стихов тоже кое-что осталось. Если же Читателю покажется, что книжка местами носит чересчур личный, интимный характер, то пусть он вспомнит, что гражданские взгляды были отданы мной в тот же отрезок времени кинематографу, телевидению, театру, публицистике.

Время от времени в ткань этого поэтического сборника будут вкрапливаться небольшие прозаические новеллы, рассказывающие о разных событиях, о судьбе стихов. В общем, то, что осталось за рамками моих поэтических попыток...

Итак, в добрый путь, дорогой Читатель!

Эльдар Рязанов

СТИХОТВОРЦУ — ДЕБЮТАНТУ
БЫЛО 49 ЛЕТ...

Новелла

Я шел по опустошенному осеннему лесу. Под ногами была затвердевшая от первого заморозка земля. Где-то сиротливо каркали невидимые вороны. Я вышел на опушку. Передо мной покатым косогором стелилось поле. Рыжая стерня, схваченная инеем, серебрилась. На горизонте темнела узкая полоска дальнего леса. Крыши деревеньки, высывались из-за косогора, на котором прочно стояли двухэтажные стога. Освещение было тусклое, хмурое. Серо-синие, низкие облака неподвижно повисли над озябшим полем. Казалось, я нахожусь не в тридцати километрах от Москвы, а за тысячи верст и живу не в двадцатом веке, а лет эдак двести назад.

Свежий, сухой воздух покалывал щеки, бодрил, походка была упругой, а душу наполняло беспричинное ощущение счастья. И вдруг сама собой возникла первая строчка:

У природы нет плохой погоды...

Не успел я изумиться этому явлению, как следом родилась вторая:

Всякая погода — благодать...

Если учесть, что я уже около тридцати лет, со времен давней юности, не занимался стихосложением, это показалось странным. Я подумал, что сейчас это наваждение пройдет, но получилось иначе. Неудержимо поползли следующие строки:

Дождь ли, снег... Любое время года
Надо благодарно принимать.

Я удивился. Честно говоря, мне показалось, что строфа недурна. И дальше случилось необъяснимое: строчки возникали одна за другой. Не прошло и двадцати минут, как стихотворение сочинилось само собой, как бы помимо моей воли.

Я быстро повернул домой, бормоча строки, повторяя их, так как я боялся, что стихотворение забудется. Войдя в дом, я немедленно записал его.

Стоял 1976 год. Мне исполнилось сорок девять. Последний раз я имел дело с сочинением в рифму, когда писал сценарий по пьесе Александра Гладкова «Давным-давно». Но там нужно было осуществить подделку, написать стихи «под Гладкова», чтобы они не выбивались из текстовой ткани пьесы. Например:

Да, на войне, мой друг, как на войне.
А ты, корнет, кавалерист с талантом.
Охотно б взял тебя. Пойдешь служить ко мне
При штабе младшим адъютантом?

Затем наступило глухое многолетнее стихотворное безмолвие, и не было никаких признаков того, что в душе зреет нечто поэтическое...

А вот после стихотворения «У природы нет плохой погоды» регулярно меня стали посещать эдакие странные состояния души, в результате которых начали появляться стихотворения. Как правило, грустные. Даже горькие. Я объяснял это тем, что веселые, жизнерадостные силы я трачу в комедиях, а печаль тоже требует своего выражения, своего выхода. Может, это объяснение не научно, но меня оно удовлетворяло.

Постепенно стихотворные «припадки» стали учащаться, и я даже завел большую, толстенную тетрадь, куда записывал свои поэтические фантазии. Иногда стихи рождались почти ежедневно, иной раз пауза длилась несколько месяцев. Я стал анализировать свое состояние, когда меня «посещала муза», для того чтобы потом попытаться вызвать аналогичное состояние. Но ничего из этого не получилось: стихи приходили (или не приходили) тогда, когда этого хотели они, а не я. Вероятно, подобное свойство — первый признак дилетантизма, любительщины. Самое интересное, что эти стихотворные, назовем их так, «припадки» происходили вечером перед сном. Ложась в кровать, я стал рядом с собой укладывать эту самую толстую тетрадь (когда я понял, что это начало происходить регулярно), и авторучку. Я гасил свет и вот вдруг, в темноте стихотворные строки окружали меня. Я только и успевал, что зажигать лампу и записывать. Как правило, минут через пять-семь, максимум десять, стихотворение было готово и записано на бумаге. Еще какое-то время я ворочался, что-то дописывал или правил. А завтра, наутро, перечитав то, что сочинялось перед сном, я поправлял несколько строк. Я не помню ни одного случая, чтобы у меня вдруг что-то застопорилось, и я вынужден был бы долгое время корпеть над какой-нибудь строкой.

Такого не было. Вся эта стихотворная фантасмагория была удивительна и необъяснима. Иногда перерывы между появлением стихов длились приличное время — месяц, два, три, иногда бывала пауза и в полгода. Но я в это время не дергался и не прилагал никаких усилий, чтобы вызвать стихотворные строчки. А потом снова, как ни в чем не бывало, стихи появлялись, и я беззастенчиво пользовался этим необъяснимым явлением.

...Однако, честно признаюсь, очень хотелось напечататься, так сказать, встать вровень с профессиональными поэтами. У меня уже накопилось несколько десятков стихотворений, а о них никто не подозревал! И я, наконец, решился! Составил подборку стихотворений (штук эдак пятнадцать) и отнес в журнал «Октябрь». Несмотря на то что меня, конечно, знали, но все-таки не как поэта. Предстояла подлинная проверка моих стихотворных опытов. Как ни странно, редакция «Октября» решилась на этот рискованный шаг. Стихи раздали всем членам редколлегии, они делали замечания, что-то выкидывали, что-то предлагали переделать. В конечном итоге было отобрано восемь стихотворений и одна эпиграмма-четверостишие. Я тут же предложил название «Восемь с половиной». Но в «Октябре» работали люди серьезные, они предпочли более оригинальный заголовок. Когда я впервые увидел экземпляр журнала с моими стихами, напечатанными в типографии, где было написано: «Эльдар Рязанов. Из лирики», я вздрогнул. Это «неординарное» название стало для меня сюрпризом: так можно было назвать, по моему мнению, подборку стихов человека, который печатался неоднократно.

Итак, в десятом номере «Октября» за 1983 год состоялся мой поэтический дебют, и я стал ждать откликов. При-

знать, я избалован вниманием зрителей. После каждой картины, после каждой телевизионной передачи приходили сотни писем с отзывами, рецензиями, претензиями и похвалами. Чего только люди не пишут!

Но в данном случае было прочное молчание. Я понимал, что стихи могут не понравиться, но тогда возникли бы негативные оценки. Не было никаких! Я не сказал ни одному человеку, включая друзей и знакомых, что я теперь вроде бы профессиональный стихотворец: ведь меня напечатали! Я надеялся, что кто-нибудь из приятелей или коллег заметит этот факт и в крайнем случае хотя бы удивится. Все-таки не каждый день кинорежиссеры публикуют свои стихи! Но не тут-то было! Конечно, качество стихов могло иметь значение для глухого безмолвия, но главный вывод, который я сделал: интеллигенция толстые журналы не читает. Я говорю не о нынешнем времени, когда никто не читает вообще ничего, а о 1983 году. Я, честно говоря, не расстроился, ибо ставки на эту публикацию не делал никакой. Ну, потешил тщеславие и доволен. Тем более я снимал «Жестокий романс» и был занят, уставал смертельно. А вскоре вообще позабыл об этом случае. Но стихи отныне пописывал и, признаюсь, частенько. Впрочем, только тогда, когда они сами без спроса посещали меня...

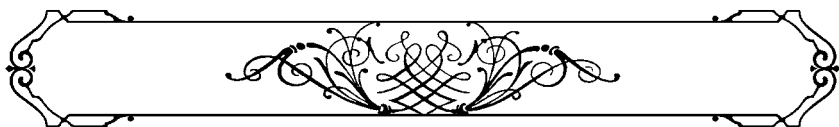
А осенью 1986 года я попал в Боткинскую больницу. Заболел. И не только в прямом смысле, но и в переносном, потому что, как бешеный, сочинял стихи. Каждый день. А иной раз и по два стихотворения на дню. Болезнь резко меняет психологию человека. Между здоровыми и больными как бы возникает незримая грань. Тем не менее граница эта очень строгая, жесткая. Здоровые этой черты, как правило, не замечают. Но больные ощу-

щают свою ущербность и некое отторжение от остального мира. И я целиком и полностью погрузился в мир болеющих. Хотя далеко не все стихотворения, написанные в больнице, были печальными. Случались и шуточные, и озорные. Но самым удивительным было для меня то, что стихотворная энергия не скудела. Я не расставался с блокнотом и авторучкой, чтобы немедленно зафиксировать на бумаге буквально наседающие, обгоняющие друг друга строчки. Когда я переместился из Боткинской больницы в другую, откуда стал каждый день ездить на съемки «Забывтой мелодии для флейты», поэтическая лихорадка, продолжалась. Я собрал все стихи, написанные за сентябрь-октябрь 1986 года, и назвал их скромно — «Боткинская осень»...

Постепенно мои рифмованные «грехи» стали попадаться на глаза читателям довольно часто — публикаций в разных журналах было изрядно и когда меня в те годы на так называемых творческих вечерах спрашивали, почему это я вдруг ударился в поэзию, я выстроил достаточно стройную теорию. «Заниматься не своим делом, объяснял я, добрая традиция нашей интеллигенции. Недаром Евгений Евтушенко увлекся кинорежиссурой, а потом фотографией. Роберт Рождественский стал телеведущим передачи «Документальный экран», ведёт его уже немало лет. Что же касается Андрея Вознесенского, то он вспомнил своё юношеское увлечение архитектурой. Свою учёбу в архитектурном институте и даже соорудил архитектурную часть памятника (автором которого был знаменитый скульптор Зураб Церетели), посвященного 200-летию присоединения Грузии к России. Памятник воздвигнут в Москве на Тишинской площади».

...Лет около двадцати продолжалось это стихотворное «бешенство». Затем, где-то в начале 21-го века, стихи стали появляться реже и реже. Я продолжал держать у своей постели тетрадь, в которую записывал стихи, которые теперь уже только иногда посещали меня. Я вновь пытался искусственно вызывать в себе те «поэтические» ощущения. Но как я ни старался, стихи не появлялись... Но я никогда не роптал, что этот «благодатный дождь» закончился. Наоборот, в моей душе осталось только чувство благодарности за это неожиданное счастье. «Не говори с тоской: их нет... но с благодарностию: были», — сказал В.А.Жуковский.

* * *

*В трамвай, что несется в бессмертье,
попасть нереально, поверьте.
Меж гениями — толкотня.
И места там нет для меня.*

*В трамвае, идущем в известность,
ругаются тоже, и тесно.
Нацелился было вскочить,
да черт с ним, решил пропустить.*

*А этот трамвай до Ордынки.
Я впрыгну в него по старинке,
повисну опять на подножке
и в юность вернусь на немножко.*

*Под лязганье стрелок трамвайных
я вспомню подружек случайных,
забытых товарищей лица.
И с этим ничто не сравнится!*

Сентябрь 1986